

Долина Ужаса

Часть 1 Трагедия в Берлстоуне

Глава 1. Предупреждение

— Я тут подумал, что...

— Давайте думать буду я, — резко оборвал меня Шерлок Холмс.

Мне всегда казалось, что я наделен просто ангельским терпением, но должен признать, что это язвительное замечание меня сильно задело.

— Знаете, Холмс, — сухо произнес я, — вы порой становитесь просто несносны.

Он был слишком занят своими мыслями, чтобы сразу ответить на мое замечание. Подперев голову рукой, он сидел над нетронутым завтраком и рассматривал небольшой листок бумаги, который только что достал из конверта. Потом он взял конверт, поднес к свету и очень внимательно осмотрел его с обеих сторон.

— Это почерк Порлока, — задумчиво произнес он. — Да, я почти не сомневаюсь, это почерк Порлока, хотя до сих пор мне его приходилось видеть всего пару раз. Характерная прописная «Е» с интересным завитком сверху... Но, если это Порлок, дело должно быть исключительной важности.

Холмс скорее размышлял вслух, чем обращался ко мне, но слова его так меня заинтересовали, что я даже позабыл об обиде.

— А кто это — Порлок?

— Порлок, Ватсон, это *nom-de-plume*¹, всего лишь способ обозначить себя, но за ним скрывается ловкая и сноровистая личность. В предыдущем письме он честно признался, что это не настоящее его имя, и даже предложил мне разыскать его среди миллионов жителей этого огромного города. Но Порлок сам по себе не интересен. Интересен тот великий человек, с которым он связан. Представьте себе рыбу-лоцмана рядом с акулой или шакала, который

¹ Псевдоним (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

всюду следует за львом... Да все, что угодно, незначительное, что сопровождает нечто большое. И не просто большое, Ватсон, но опасное... в высшей степени опасное и злое. Его я представляю себе таким. Я вам когда-нибудь рассказывал о профессоре Мориарти?

— А, это тот ученый преступник, который так же знаменит среди жуликов, как...

— Не заставляйте меня краснеть, Ватсон! — смущенно махнул рукой Холмс.

— Я хотел сказать: как и совершенно неизвестен обычным людям.

— Bravo, Ватсон! Bravo! — воскликнул Холмс. — Я вижу, вы уже научились язвить. Нужно будет придумать, как от этого защищаться. Но то, что вы называете Мориарти преступником, с точки зрения закона является клеветой... И в этом заключается непостижимость ситуации! Величайший комбинатор всех времен, организатор и вдохновитель всех самых жестоких и коварных преступлений, злой мозг криминального мира, разум, который мог бы вершить судьбы наций... Вот какого масштаба этот человек! Но перед законом он настолько чист, более того, ведет такой незаметный и совершенно законопослушный образ жизни, что его не то что нельзя обвинить, он сам бы мог привлечь вас к ответственности за только что произнесенные слова и получить вашу годовую пенсию в качестве возмещения за клевету, попранное достоинство. Это ведь он является автором той самой знаменитой «Динамики астероида», книги, которая поднимается к таким высотам чистой математики, что, как выяснилось, в научном мире не нашлось никого, кто мог бы дать ей достойную критическую оценку. И на такого человека вы наговариваете! Несдержанный на слова доктор и ставший жертвой клеветнических нападок профессор — вот какие роли были бы вам уготованы. Говорю вам, это гений, Ватсон. Но ничего, дайте мне время, я и до него доберусь.

— О, как хотел бы я это видеть! — в порыве воскликнул я. — Но вы говорили об этом человеке, Порлоке.

— Ах да... Человек, которого мы знаем под именем Порлок, — это одно из звеньев цепочки, ведущей к его великому спутнику. И, честно говоря, не самое надежное. Но это единственное слабое звено, которое я нашел.

— Но ведь прочность любой цепи измеряется прочностью самого слабого звена.

— Совершенно верно, дорогой Ватсон! Именно поэтому Порлок так важен. Кое-какие зачатки добра, еще оставшиеся в его душе,

плюс десять фунтов, которые я время от времени ему подбрасываю на всякий случай, — в результате я пару раз получал от него предварительные сведения о планах преступников... Бесценные сведения, которые дают возможность предвидеть и предотвратить преступление, а не помогают раскрыть его. Не сомневаюсь, если бы у нас был ключ к шифру, мы бы выяснили, что его письмо как раз из разряда таких предостережений.

Холмс положил записку на оставшуюся неиспользованной тарелку, я встал, подошел к нему и посмотрел на это необычное послание. Вот что я увидел:

534 П 13 127 36 31 4 17 21 ДУГЛАС 41 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН
26 «БЕРЛСТОУН» 9 47 171

— Что это, по-вашему, Холмс?

— Очевидно, некое зашифрованное послание.

— Какой смысл присылать шифровку, не указав ключа к шифру?

— В данном случае — никакого.

— Что значит «в данном случае»?

— То, что существует множество шифров, прочитать которые для меня не сложнее, чем криптограммы в газетах в разделе частных объявлений. Подобного рода ухищрения скорее являются разминкой для ума, чем настоящей задачей. Но здесь другой случай. Несомненно, это указание на определенные слова на странице какой-то книги. Пока я не узнаю, что это за книга и на какую страницу нужно смотреть, прочитать послание невозможно.

— А почему слова «Дуглас» и «Берлстоун» не зашифрованы?

— Разумеется, потому, что их не оказалось на данной странице книги.

— Тогда почему он не указал книгу?

— Ваша врожденная осторожность, Ватсон, та присущая вам осмотрительность, которой так восхищаются ваши друзья, тоже не позволила бы вам посылать и шифровку, и ключ к шифру в одном конверте. Попади такое послание не в те руки, его не составило бы труда прочитать. С минуты на минуту должны принести почту, и я сильно удивлюсь, если мы не получим второго письма с объяснением или, что более вероятно, саму книгу, к которой относятся эти цифры.

Расчеты Холмса очень скоро полностью подтвердились, когда Билли, помогающий нам по хозяйству мальчишка, принес ожидаемое письмо.

— Та же рука, — вскрывая конверт, сказал Холмс. — О, оно даже подписано, — ликующим голосом добавил он, развернув сложенный пополам листок. — Дело продвигается, Ватсон.

Однако, когда он прочитал послание, по лицу его пробежала тень.

— Какая жалость! Боюсь, Ватсон, что наши ожидания окажутся напрасными. Надеюсь, Порлоку ничего не угрожает. Послушайте, что он пишет:

«Дорогой мистер Холмс!

Я выхожу из этого дела — слишком опасно. Он меня подозревает. Я это чувствую. Когда я подписывал этот конверт, в котором собирался отправить ключ к шифру, он вошел в комнату так неожиданно, что мне едва удалось кое-как прикрыть Ваш адрес. Если бы он его увидел, у меня были бы очень большие неприятности. Я вижу, с каким подозрением он на меня смотрит. Прошу Вас, сожгите мое предыдущее письмо с шифром. Оно вам не пригодится.

Фред Порлок».

Прочитав письмо, Холмс надолго задумался, устремив хмурый взгляд на огонь в камине.

— В конце концов, — наконец сказал он, взвесив записку на ладони, — может быть, никакого повода для беспокойства и нет. Вполне возможно, это лишь его разыгравшееся воображение. Понимая, что является предателем, он мог прочитать в чужих глазах обвинение, которого там на самом деле не было.

— А «он» — это, надо полагать, профессор Мориарти.

— Да. Когда такие люди говорят «он», можете не сомневаться, кого они имеют в виду. Для них всех есть лишь один «ОН».

— Ну, и что такого *он* может сделать?

— Хм. На этот вопрос трудно ответить. Когда твоим врагом становится один из умнейших людей Европы, в руках которого сосредоточены все силы зла, возможности просто безграничны. Как бы то ни было, мой друг Порлок напуган до смерти... Можете сравнить его почерк в записке и на конверте, который он подписывал, как указано, еще до этого зловещего визита. Один почерк четкий и уверенный, второй едва читаемый.

— А почему он все-таки решил писать? Он же мог просто выбросить конверт.

— Побоялся, что я захочу узнать, что случилось, а это могло бы выдать его.

— Несомненно, — сказал я. — Очевидно, так и есть. — Я поднял первое письмо и еще раз вчитался в него. — Как все-таки обидно иметь в руках важнейшее послание и понимать, что прочитать его вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул давно остывший завтрак и взялся за трубку, которую всегда курил, когда нужно было крепко подумать. Комната наполнилась зловонным табачным дымом.

— Вот что интересно, — сказал он, откидываясь на спинку стула и устремляя взгляд в потолок, — мне кажется, что некоторые обстоятельства все же ускользнули от вашего макиавеллиевского ума. Давайте рассмотрим это дело в свете чистой логики. Примем за основу то, что этот человек отсылает нас к определенной книге.

— Довольно шаткая основа.

— Посмотрим, удастся ли нам как-то ее укрепить. Чем больше я думаю об этой загадке, тем менее неразрешимой она мне кажется. Какие указания имеем мы относительно этой книги?

— Никаких?

— Ну-ну, не все так плохо. Зашифрованное послание начинается с небольшого числа 534, верно? Можно принять за рабочую гипотезу, что 534 — это указание на ту страницу, которая является ключом к шифру. Таким образом, книга наша должна быть толстой. Это уже что-то. Что еще мы можем о ней выяснить из записки? Далее идет знак II. Что это, по-вашему, Ватсон?

— Конечно же, указание на главу.

— Вряд ли. Я думаю, вы не станете спорить, что, сообщив страницу, указывать главу не имеет смысла. К тому же, если на пятьсот тридцать четвертой странице книга доходит только до второй главы, то длина глав в ней превосходит любые разумные пределы.

— Значит, это столбец!

— Превосходно, Ватсон! Сегодня вы просто блещете умом. Готов спорить на что угодно, что это именно столбец. Итак, начинает вырисовываться толстая книга, в которой текст набран столбцами, причем достаточно длинными, поскольку среди указанных слов есть даже двести девяносто третья. Может ли логика подсказать нам что-либо еще?

— Боюсь, больше мы ничего не узнаем.

— Вы к себе несправедливы. Ну же, Ватсон, еще одно усилие, еще одна гениальная догадка! Если бы книга была какой-то необычной, он прислал бы ее нам. Но он этого не делает — судя по размеру

конверта, прежде чем его планы были нарушены, он хотел лишь сообщить, о какой книге идет речь. Он сам пишет об этом в письме. Это указывает на то, что, как он считает, мне не составит труда самому раздобыть эту книгу. Книга эта есть у него, он уверен, что она есть и у меня. Другими словами, это очень распространенная книга.

— То, что вы говорите, звучит довольно правдоподобно.

— Итак, наши поиски теперь можно ограничить. Нас интересует очень распространенная толстая книга, набранная в два столбца.

— Библия! — взволнованно воскликнул я.

— Хорошо, Ватсон, хорошо. Но не совсем. Предположим, я мог бы иметь ее, но мне кажется совершенно неправдоподобным, чтобы эта книга была всегда под рукой у одного из помощников Мориарти. К тому же Святое Писание имеет очень много разных изданий, и вряд ли бы он посчитал, что нумерация страниц в моей и его копиях совпадет. Нет, эта книга должна быть стандартной, одинаковой во всех изданиях. Он уверен, что его пятьсот тридцать четвертая страница не отличается от моей пятьсот тридцать четвертой.

— Но таких книг очень немного.

— Вот-вот. В этом наше спасение. Теперь мы ограничены лишь книгами, которые всегда перепечатываются в одном и том же виде и которые могут найтись в любом доме.

— Железнодорожный справочник! «Брэдшо»!

— Нет, Ватсон, с этим тоже есть сложности. Лексикон Брэдшо хоть и емок, но ограничен. Набор слов в нем вряд ли подходит для того, чтобы пользоваться им для составления посланий общего содержания. Исключим «Брэдшо» из нашего списка. От словарей, боюсь, придется отказаться по той же причине. Что же остается?

— Какой-нибудь ежегодник?

— Блестяще, Ватсон! Голову даю на отсечение, что вы попали в точку! Ежегодник! Давайте рассмотрим энциклопедический ежегодник Витакера. Он достаточно распространен, в нем интересующее нас количество страниц, текст набран в два столбца. Если в предыдущих изданиях язык его был довольно сух, то в последнем, если я не ошибаюсь, ситуация как раз обратная. — Холмс взял с письменного стола том. — Итак, вот страница пятьсот тридцать четыре, второй столбец. Здесь большая статья, посвященная... торговле и экономическим ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон. Тринадцатое — «Маратхи». Боюсь, не самое обнадеживающее начало. Сто двадцать седьмое — «правительство». Тут есть хоть какой-то смысл, хоть